

**Города без самоваров
(роман Н. А. Лейкина «В гостях у турок»
как «антитравелог»)**

Яблоков Евгений Александрович

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: ejablokov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7926-1689

Цитирование

Яблоков Е. А. Города без самоваров (роман Н. А. Лейкина «В гостях у турок» как «антитравелог») // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 232–247. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.02

Статья поступила в редакцию 10.01.2022.

Аннотация

Одна из частей тетралогии Н. А. Лейкина, посвященной купеческой семье Ивановых, — книга «В гостях у турок» (1897) о путешествии героев в Константинополь через Белград и Софию. Образ города здесь отражает общую поэтику цикла, носящего юмористический и сатирический характер. Перед нами географический роман приключений — в центре внимания не «объективное» изображение посещаемых Ивановыми городов, а специфика восприятия героев. Для их мироощущения характерна агрессивная национальная самобытность; ко всему «чужому» они подходят с «русскими» критериями. Книга «В гостях у турок» (как и остальные части цикла) повествует в основном о различных «фиаско» героев, которые ввиду их невысокого интеллектуально-образовательного уровня и устойчивых «национальных» стереотипов неспособны адаптироваться к иным культурам. Заграничные города, в том числе населенные славянами, в восприятии Ивановых предстают как дискомфортные, «чужие». В результате герои по тем или иным причинам стремятся домой — идеальной «целью» зарубежного путешествия парадоксально оказывается Россия. Знакомство с другими странами фактически не обогащает героев в культурном отношении; травелог, в сущности, оборачивается «фикцией».

Ключевые слова

Географический роман приключений, Россия и Европа, этнокультурные особенности, свой / чужой.

Цикл произведений Н. А. Лейкина (1841–1906) о заграничных путешествиях супружеской пары Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых — «Наши за границей» (1890¹), «Где апельсины зреют» (1892), «В гостях у турок» (1897), «Под южными небесами» (1898) — на рубеже XIX–XX вв. пользовался в России огромной популярностью². Это, по сути, первое в отечественной литературе масштабное произведение, где через множество деталей, бытовых подробностей показано радикальное несходство российской и (условно) европейской ментальности³. Перед нами не записки героя-рассказчика, а повествование от третьего лица, ориентированное на точку зрения главных героев, мироощущение которых характеризуется утрированной, несколько агрессивной «русскостью»; при этом авторское отношение к Ивановым неоднозначно — они предстают в юмористическом, подчас в сатирическом виде.

Сюжеты всех четырех книг целиком исчерпываются путешествиями, однако термин «травелог» применительно к циклу Лейкина кажется не вполне точным⁴. Более верно определение *географический*

1 Для каждой книги указан год выхода первого отдельного издания.

2 25 октября (6 ноября) 1896 г. Лейкин отметил в дневнике, что книга «Наши за границей» за шесть лет была издана 12 раз, а книга «Где апельсины зреют» за четыре года выдержала восемь изданий (см.: *Лейкин Н. А. Дневник // РГАЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 241*). В дальнейшем первая часть тетралогии переиздавалась в дореволюционной России чуть ли не ежегодно.

3 За полвека до книг Лейкина подобная коллизия была представлена в поэме И. П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею дан л'этранже» (1840–1844). Однако ее героиня — тамбовская помещица, у Лейкина же героини принадлежат к новой для последней трети XIX в. прослойке путешественников — купечеству. На рубеже веков «основными представителями русских за границей [...] (по крайней мере, ярко обращавшими на себя внимание и вызывавшими насмешки) были купцы, поехавшие туда исключительно потому, что туда поехали все» (*Захарова Е. «Турист стремился составить знакомство с “духовной физиономией” посещаемых мест». Русские туристы рубежа XIX–XX веков в восприятии современников // Родина. 2015. № 11. С. 103*).

4 Лейкин отдал дань и жанру «классического» травелога — таковым, например, являются его записки «По северу дикому: Путешествие из Петербурга в Архангельск и обратно. Поездка на водопад Кивач» (1899).

роман *приключений*⁵: в фокусе внимания не столько подробности заграничной жизни (которых у Лейкина много), сколько характеры героев. Перемещаясь по Европе, они «осваивают» (не слишком успешно) чужую культуру, хотя в данном случае, пожалуй, точнее слово «цивилизация» в регионо- или страноведческом смысле, поскольку речь идет в основном об обычном укладе жизни, повседневных бытовых традициях и привычках. Культурные достопримечательности (архитектура, искусство и т. п.) не слишком интересуют героев и потому описываются довольно скупо — как правило, Ивановы отказываются от посещения подобных мест (не хотят увидеть, где живет папа римский, подняться на самый верх Эйфелевой башни, посмотреть картины в Прадо и т. п.). Приключениями для лейкинских «простаков»⁶ являются затруднительные ситуации, в которые герои попадают по незнанию языков и по малообразованности, — закономерно, что у читателя они вызывают комическое впечатление.

Самоочевидно, что «туристические» интенции Ивановых вполне устойчивы — супруги совершают путешествия четырежды; однако их цели при этом гротескно двойственны. Николай Иванович провозглашает: «Нужно всю Европу объехать, и тогда будешь цивилизованный человек. Зато потом, когда вернемся домой, есть чем похвастать»⁷. Поездки мыслятся как средство повышения авторитета в купеческой среде⁸; при этом европейская «цивизованность», к

5 См.: *Козьмина Е. Ю.* Фантастический авантюрно-исторический роман: поэтика жанра. М.; Екатеринбург, 2017. С. 65.

6 Выскажем предположение, что на замысел Лейкина могла повлиять книга Марка Твена «*The Innocents Abroad, or The New Pilgrims' Progress*» (1869), которая в 1880 г. вышла в России под заглавием «Юнцы за границей. Путешествие Марка Твайна» (при этом цензура изъяла главу о пребывании американских путешественников в Одессе и аудиенции у Александра II). В свою очередь, в ней явственны аллюзии на повесть Вольтера «Простодушный» (1767) — характерно, что следующий русский перевод (1898) книги Марка Твена имел название «Простодушные у себя дома и за границею», а в переводе 1907 г. было использовано слово «простаки».

7 *Лейкин Н. А.* В гостях у турок. СПб., 1897. С. 17.

8 С той же целью Николай Иванович периодически сочиняет и отправляет приятелям из-за границы письма, где изображает «Европу» в фантастическом, чуть ли не сказочном виде, повествует о своих (выдуманных) чудесных и опасных приключениях (Там же. С. 409–410, 493–495) — причем, похоже, не сомневается, что приятели поверят в его рассказы, ужаснутся и восхитятся. Это свидетельствует о культурном

которой вроде бы стремятся Ивановы, парадоксально сочетается у них с неодобрительным, зачастую негативным отношением к «Европе»⁹. Сравнение России с заграницей проводится ими обычно не в пользу последней, а возвращение домой вызывает радость — например, первая часть тетралогии завершается тем, что Николай Иванович, прибыв наконец на «русскую» станцию, «от полноты чувств» обнимает жандарма¹⁰. Если же какой-либо европейский город нравится Ивановым, то более близкому знакомству с ним мешает нечто неожиданное — так, в Женеве и в Мадриде у Глафиры Семеновны появляются «опасные» поклонники, поэтому Николаю Ивановичу приходится ее «эвакуировать», практически силой увозя в Россию; из-за этого четвертая книга (то есть и вся тетралогия) обрывается на мелодраматической сцене: «У одного окна сидел Николай Иванович и рассматривал только что купленные билеты для продолжения пути. У другого окна, на противоположном диване, уткнувшись в подушку, лежала Глафира Семеновна и плакала»¹¹.

В сущности, романы Лейкина можно охарактеризовать как *анти-travelogi*: неосознанной для героев «сверхцелью» путешествий парадоксально оказывается возвращение домой; расширяя в поездках

уровне как адресатов, так и самого автора писем, притом вносит в их характеры элементы наивной «детскости».

9 Например, «Неметчина» (*Лейкин Н. А.* Наши за границей. СПб., 1890. С. 2) в восприятии Ивановых предстает карнавально-инфернальным хронотопом, «где все законы своего (русского) мира перевернуты» (*Жданов С. С.* Амбивалентный образ Германии в юмористическом цикле Н. А. Лейкина «Наши за границей» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2018. № 8 (86). Ч. 1. С. 27).

10 *Лейкин Н. А.* Наши за границей. С. 472. Во второй книге тетралогии еще сильнее (и комичнее) выражена ностальгия у спутника Ивановых, купца Ивана Кондратьевича Конурина, которого они «сагитировали» поехать с ними в Южную Францию и Италию. Конурин горестно сетует на свою доверчивость и постоянно обвиняет Ивановых в том, что оказался за границей чуть ли не против воли:

«— Эх, завезли вы меня, черти!

— [...] Никто вас не завозил, вы сами с нами поехали.

— Да-с... Поехал сам. А только не в своем виде поехал. Загулявши поехал. А вы знали и не сказали мне, что это такая даль. Я поехал непонимающий, думал, что эта самая Италия близко, а вы ничего не сказали. Да-с... Это нехорошо» (*Лейкин Н. А.* Где апельсины зреют. СПб., 1893. С. 17).

11 *Лейкин Н. А.* Под южными небесами. СПб., 1899. С. 555.

практический опыт, Ивановы в силу их культурной ограниченности не могут воспринять европейскую ментальность и непоколебимы в своей «русскости».

В этой связи обратим внимание на обозначение героев в заглавии первой книги — «Наши за границей». К концу XIX в. слово «наши» обрело в русской культуре амбивалентные коннотации, связанные, выражаясь современным языком, с коллизией «русофильства» и «русофобства». Формирование такой семантики началось с появлением альманаха А. П. Башуцкого «Наши, списанные с натуры русскими»¹² (1841–1842) — здесь слово «наши» еще не было связано с идеологической установкой, однако она возникла, когда В. Г. Белинский, подражая название альманаха, обыграл это слово в памфлете «Педант» (1842), заостренном против С. П. Шевырева и «официальной народности»¹³. Вполне отчетливо проявились идеологические коннотации в стихотворении Н. М. Языкова «К ненашим» (1844), обращенном к западникам, которых Языков объявил фактически врагами России, «агентами влияния»¹⁴. Его инвектива вызвала ряд ответов в стихах¹⁵ и прозе — так, Белинский в обзоре «Русская литература в 1844 году» (1844) высмеял фальшивую «простонародность»¹⁶ стихов Языкова, а А. И. Герцен в статье «“Москвитянин” и вселенная» (1845) обвинил его в доносительстве¹⁷. При этом в романе Ф. М. Достоев-

12 Наши, списанные с натуры русскими. СПб., 1841–1842. Вып. 1–14.

13 См.: *Белинский В. Г. Педант* // Белинский В. Г. Собр. соч. В 9 т. М., 1979. Т. 4. С. 382–389.

14 Показательно уже начало стихотворения: «О вы, которые хотите / Преобразить, испортить нас / И онемечить Русь!» (*Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1934. С. 624*).

15 Один из них — пародия Н. А. Некрасова «Послание к другу (из-за границы)» (1845), где главным истинно «русским» качеством представлена склонность к бурным возлияниям (см.: *Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. В 15 т. Художественные произведения. В 10 т. Л., 1981. Т. 1. С. 21–24*).

16 «...Он старается закрыть свой фрак зипуном, поглаживает свою накладную бороду и, чтоб ни в чем не отстать от народа, так и щеголяет в своих стихах и грубостию чувств и выражений. По его мнению, это значит быть *народным!* Хороша народность! Кому не дано быть народным и кто хочет сделаться им насильно, тот непременно будет простонародным или вульгарным» (*Белинский В. Г. Собр. соч. 1981. Т. 7. С. 188*).

17 «...Муза г. Языкова решительно посвящает некогда забубённое перо свое поэзии исправительной и обличительной [...] Озлобленный поэт не остается в абстракциях; он указывает негодующим перстом

ского «Бесы» (1872) «нашими» (хотя и иронически) будут названы скорее «западники» — участники собрания у Виргинских (характерно название соответствующей главы: «У наших»¹⁸), а также все соучастующие в «бесновании»¹⁹.

Видимо, учитывая эту смысловую нагрузку концепта «наши», Лейкин «испытывает» своих героев Европой. Впрочем, Ивановы, несмотря на массивированное «чужое» влияние, оказываются непоколебимы в цивилизационном отношении. Автор относится к этому двойственно — герои не подвергаются прямому осмеянию, изображаются скорее с юмором, но применяемое к ним именование «наши» явно сближено с типом поведения, который еще в первой половине XIX в. стали именовать квасным патриотизмом²⁰ (кстати, как мы увидим ниже, в «системе ценностей» Ивановых квас действительно имеет серьезное значение).

лица — при полном издании можно приложить адреса!..» (*Герцен А. И.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 136).

18 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 300. Между прочим, в период работы над романом, в 1871 г., было впервые опубликовано стихотворение Языкова «К ненашим» — до этого оно более четверти века распространялось в списках.

19 Ср. «перечень» Верховенского-младшего: «Наши не те только, которые режут и жгут, да делают классические выстрелы или кусаются. [...] Учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши, наши. Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают!» (Там же. С. 324).

20 Фразеологизм восходит к «Письмам из Парижа» (1827) П. А. Вяземского (см.: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: [В 12 т.] СПб., 1878. Т. 1. С. 244). Отметим, что для обозначения еще более высокого градуса верноподданнической экзальтации Вяземский использовал словосочетание «сивушный патриотизм»: «Выражение *квасной патриотизм* шутя пущено было в ход и удержалось. В этом патриотизме нет большой беды. Но есть и *сивушный патриотизм*; этот — пагубен; упаси Боже от него! Он помрачает рассудок, ожесточает сердце, ведет к запою, а запой ведет к белой горячке. Есть сивуха политическая и литературная, есть и белая горячка политическая и литературная» (*Вяземский П. А.* Старая записная книжка // *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. 1883. Т. 8. С. 138–139).

Далее речь пойдет в основном о третьей части тетралогии — «В гостях у турок», где Ивановы путешествуют в славянском регионе: едут на поезде из Будапешта в Белград, потом в Софию, после чего проводят несколько дней в Константинополе, откуда морем возвращаются в Россию. Сам Лейкин с женой проехал этим путем в феврале 1896 г. (соответствующие записи имеются в его дневнике²¹) и, вернувшись в Петербург, вскоре принялся за книгу, которую писал с 13/25 марта до 25 октября (6 ноября) 1896 г.²², по главам публикуя ее в «Петербургской газете».

Путешествие по Сербии и Болгарии имеет для лейкинских героев особое значение: им, особенно Николаю Ивановичу, которому около сорока лет, памятливы лозунги славянского братства времен русско-турецкой войны. В каждом местном жителе Иванов хочет видеть «братушку»²³, в его сознании живы пропагандистские стереотипы 1870-х гг. — по отношению к которым в книге выражена явная авторская ирония²⁴:

— Все славяне! Везде теперь братья-славяне будут! — торжествующе произнес Николай Иванович и спросил жену: — Рада ты, что мы вступаем в славянское царство?

21 Лейкин Н. А. Дневник. Л. 127–145.

22 Там же. Л. 153–241.

23 Это слово звучит многократно, однако в первый раз произносится по адресу кондуктора-вымогателя — подавая этому «брату-славянину» требуемый гульден, Иванов горестно говорит: «На, подавись, братушка» (Лейкин Н. А. Наши за границей. С. 12).

24 В конце 1870-х — начале 1880-х гг. Лейкин написал немало юмористических рассказов, из которых явствует, что «панславистская» риторика вызывает в «народе» неадекватный отклик и приводит к пародийно-комичным поступкам. Отметим, например, рассказ «Лесной» из цикла «Наше дачное прозябание» (кон. 1870-х), где в разговоре дачниц политические термины звучат явно абсурдно: «У нас вон и посейчас по Лесному болгарок пруд пруди. Ходят по дачам и насчет турецкого насилия, которое с ними было сопряжено, рассказывают. Тоже есть что послушать; а поговоришь с ними через запертую калитку, расспросишь, как дело было, молодые или старые эти турки, подашь копеечку, да и довольно. Тут даже иго турецкое по дачам носили, однако мы не шли же на него смотреть, коли это к нам не прикасается. Просила я одну болгарку развернуть тряпку и сквозь забор его показать, та не хотела, ну и не надо» (Лейкин Н. А. Неунывающие россияне. СПб., 1879. С. 104–105).

— Еще бы! Все-таки родной православный народ, — отвечала Глафира Семеновна.

— Да, за этих братьев-славян мой дяденька Петр Захарыч, царство ему небесное, в сербскую кампанию душу свою положил.

— Как? А ты мне рассказывал, что он соскочил на Дунае с парохода и утонул?

— Да. Но все-таки он в добровольцах тогда был и ехал сражаться, но не доехал. Пил он всю дорогу. Вступило ему, по всем вероятностям, в голову, показались белые слоны, ну, он от страха и прыгнул с парохода в Дунай.

— Так какое же тут положение души?

— Так-то оно так... Но все-таки был добровольцем и ехал. Признаться, покойник папенька нарочно его и усмал тогда, что уж сладу с ним никакого в Петербурге не было. Так пил, так пил, что просто неудержимо!²⁵

Герой, с юности уверовавший в славянское единство, обескуражен тем, что «братушки» проявляют откровенный и «недружественный» меркантилизм. На белградской таможне Иванов, столкнувшись с необходимостью беспрестанно давать чаевые, с досадой говорит: «За деньги-то меня всякий полюбит даже и не в сербской земле, а в эфиопской, но здесь сербская земля. Неужели же они забыли, что мы, русские, их освобождали? Я и посейчас в славянский комитет вношу»²⁶. Чиновника, досматривающего багаж, он упрекает: «А еще брат славянин! Эх, братья! Русским людям не верите! Приехали мы к вам в гости как к соплеменным родным, а вы нас за контрабандистов считаете!»²⁷

Намек на иллюзорность идеологических стереотипов возникает и тогда, когда речь заходит о многократно описывавшихся журналистами и литераторами 1870-х гг. расправах турок с представителями славянского населения. В Софии Николай Иванович хочет найти некие следы геноцида и репрессий и просит гостиничного провожатого показать их: «Мы еще не видали у вас ни одного такого места, где производились над вами, болгарами, турецкие зверства»; однако тот вообще не понимает, о чем идет речь:

25 Лейкин Н. А. В гостях у турок. С. 33–34.

26 Там же. С. 41.

27 Там же. С. 44.

— Турецкие зверства? — спросил проводник, недоумевая.

— Да-да, турецкие зверства. Те турецкие зверства, про которые писали в газетах. Я помню... Ведь из-за них-то и начали вас освобождать, — разъяснил Николай Иванович. — Где эти места?

— Не знаю, господине, — покачал головой проводник²⁸.

Поскольку тема незнакома и для Глафиры Семеновны, Николай Иванович объясняет ей:

...Я [...] хорошо помню про эти турецкие зверства. Тогда только и дела, что писали в газетах, что там-то отняли турки у болгарина жену и продали в гарем, там-то похитили двух девиц у женихов, а женихам, которые их защищали, отрезали уши. Писали, что башибузуки торгуют болгарскими бабами, как овцами, на рынках — вот я и хотел посмотреть этот рынок²⁹.

Но никаких следов былых насилий не обнаруживается, причем это обстоятельство (как многие подобные эпизоды в лейкинских произведениях) ставит читателя в двойственное положение. Остается непонятным — то ли, по мнению автора, «зверств» вообще не было и они выдуманы журналистами, то ли за двадцать лет подобные инциденты полностью выветрились из памяти местных жителей, а стало быть, не оказали на них сильного влияния.

Впрочем, хотя в Софии не удастся найти следов «зверств», она оказывается для Ивановых предпочтительнее Белграда. Один из спутников в поезде назвал Белград «маленькой Веной», но им город кажется безлюдным:

— Боже мой! Да какая же это маленькая Вена! — удивлялась Глафира Семеновна, смотря в окно кареты на проезжаемые места [...] Начались двухэтажные каменные дома, но они чередовались с пустырями. Свернули за угол, и показался первый электрический фонарь, осветивший дома и тротуары, но прохожих на улице ни души. Дома, однако, стали попадаться вплотную, но дома какой-то казенной архитектуры и сплошь окрашенные в белую краску³⁰.

28 Там же. С. 176.

29 Там же. С. 177.

30 Там же. С. 48. Ср. дневниковую запись самого Лейкина 11/23 февраля 1896 г.: «В Белграде я не был с 1875 года, с Сербской кампании. И он за это время так изменился, что его узнать нельзя. Везде новые высокие

Николай Иванович говорит одному из местных жителей: «На наш Ярославль ваш Белград смахивает, только там все-таки оживленнее на улицах»³¹; позже он называет Белград «пустынным городом»³².

София производит куда более благоприятное впечатление: «Положительно болгарская София не похожа на своего сербского брата Белград, — решил Николай Иванович»³³. Впрочем, позитивное отношение и здесь окрашено некоторой авторской иронией:

- Сколько стройки-то! Сколько улиц пустынных раскинуто! Большой красивый город София будет, — обратился Николай Иванович к жене.
- Улита едет, когда-то еще приедет, — отвечала та.
- Не находишь ли ты, что София немного смахивает на Царское Село?
- Пожалуй. Но там все-таки куда больше построек³⁴.

Однако и у Белграда, и у Софии, и вообще у всех посещаемых Ивановыми городов есть принципиальный недостаток, вследствие которого «Европа» оценивается гораздо ниже России, — *отсутствие самоваров и привычного для героев чая*³⁵. Среди многочислен-

здания, широкие улицы, бульвары, электрическая конка и электрическое освещение. А вечером он имеет какой-то казенный характер и смахивает на наш великорусский губернский город не из лучших. Движения почти никакого» (*Лейкин Н. А. Дневник. Л. 128*).

31 *Лейкин Н. А. В гостях у турок. С. 97.*

32 Там же. С. 102.

33 Там же. С. 165.

34 Там же. С. 162.

35 Сам Лейкин очень любил чай (см.: *Лейкин Н. А. Дневник. Л. 146*), и эта тема у него присутствует не только в тетралогии об Ивановых. Упомянем, например, рассказ «Самовар» (нач. 1880-х гг.) — комичный монолог извозчика, разворачивающего перед седоком своего рода «самоварную» мифологию. Самовар обретает черты национального фетиша — в нем, по словам говорящего, заключена некая непостижимая для европейцев тайна: «Немец хоть и хитер, а с дива дался, когда ему такую вещь показали. И посеичас подделать не могут». Англичане, правда, сумели изготовить действующий самовар, но «очень уж перехитрили», зачем-то приделав к нему колеса, вследствие чего вместо самовара вышел паровоз (*Лейкин Н. А. Самовар // Лейкин Н. А. Караси и щуки. СПб., 1883. С. 24, 26*). Зато тульские мастера обучили «самоварному делу» китайцев, которые «самые ретивые чайники»: «Сам Александр Благословенный после выгона двенадцати языков из русского царства сейчас же послал к китайцам семь штук туляков-самоварников» (Там же. С. 27).

ных «чайных» коллизий отметим лишь один эпизод в софийской гостинице, где к Николаю Ивановичу, которого принимают за важное лицо, приходит корреспондент газеты, чтобы узнать мнение «его превосходительства»³⁶ об актуальной политической ситуации: «Какое впечатление произвела на вас при вашем въезде наша обновленная Болгария? После известного поворота мы ее называем обновленной»³⁷. «Глубокомысленный» монолог Иванова не только характеризует его самого, но, пожалуй, звучит пародией как на российскую политику Болгарии, так и на балканскую политику России:

Меня вот, например, удивляет, что при таком русском влиянии, какое существует теперь, у вас до сих пор нет русских самоваров в гостиницах. Вот, например, сейчас я заказываю чаю с самоваром, и мне отвечают, что здесь в Софии в гостиницах самоваров нет [...] Так какое же это русское влияние! Какой же это поворот к русскому, о котором кричат газеты! — воскликнул Николай Иванович. — По-моему, уж подражать, так подражать! Сливаться, так уж сливаться во всем, даже в мелочах [...] И если вы пишете в болгарских газетах, то я советовал бы вам поскорей написать самую громоносную статью о самоварах, где вы должны настаивать, чтобы каждая гостиница Болгарии выписала бы из России не менее трех самоваров [...] А квас [медово-солодовый квас. — Е. Я.]? А кислые щи у вас есть в Болгарии? Я ведь вот только сегодня утром приехал и не успел еще ни с чем ознакомиться.

— Нет, квасу и кислых щей у нас не делают, — отвечал сотрудник.

— Странно, по меньшей мере странно! Ведь сближение-то начинается с мелочей. Да такие славянские напитки вовсе и не мелочи. Это ведь вас турецкое иго отучило. Сначала турецкое иго, а потом Батенберг, Стамбулов со своим западничеством³⁸ [...] Ах, да... Как у вас здесь в

36 Николай Иванович объясняет: «Должно быть, у меня уж фигура такая превосходительная, что везде спрашивают, не превосходительство ли я» (*Лейкин Н. А. В гостях у турок. С. 138*).

37 Там же. С. 145.

38 Вариацию мотива «квасного патриотизма» видим и в одном из рассказов Алеко Константинова про бай Ганю, датированном 17 марта 1895 г. Его персонажи обсуждают обозначившийся в Болгарии поворот «лицом к Матушке». Один из них предлагает, с учетом политической конъюнктуры, открыть русский трактир, но другой возражает: «Уж если ждать барыша от ветра, который подул, так лучше открыть фабрику кваса [...] Я насчет русского кваса речь веду [...] Только скажи: “Русский

Софии насчет бань? Есть ли хорошие русские бани?

— Баня у нас турецкая [...] Русской бани нет.

— А еще толкуете о том, что сделали полный поворот ко всему русскому! — процедил сквозь зубы Николай Иванович, покачал головой и наставительно заметил: — Скорей нужно завести в Софии русскую баню на московский манер, и она будет служить образцом для бань других болгарских городов [...] Так не забудьте сюжеты для передовых статей-то! Самовар, квас и баня!³⁹

«Лозунговая» триада звучит как пародийная формула «русскости», недостижимой для европейских влияний.

Но, как явствует из этой части (да и из других частей) тетралогии, коренные носители российской цивилизации обладают вполне «интернациональным» качеством, сближающим их как с православными «братушками», так и с представителями нехристианских народов⁴⁰. В Софии Николай Иванович воодушевлен тем, что в ресторане оказалась русская водка, — данное обстоятельство воспринимается им как свидетельство славянского единства: «Вот это истинные братья славяне, настоящие братья, если поддерживают нашу русскую коммерцию»⁴¹. Глафира Семеновна относится к постоянным воздействиям мужа крайне неодобрительно, но поскольку из Софии им предстоит путешествие в Константинополь, надеется, что в турецком городе спиртные напитки запрещены. Однако надежды оказываются тщетными. Ивановы поселяются в доме у армянина Карапета, по-

квас!» — так и кинутся» (*Константинов А.* Бай Ганю — журналист // *Константинов А.* Избранное. М., 1979. С. 134). О переключках рассказов Константинова и тетралогии Лейкина: *Чавдарова Д.* Путешествие болгарского и русского купцов в Европу в ракурсе национальной идентичности (Алеко Константинов и Николай Лейкин) // *Русский травелог XVIII–XX веков.* Новосибирск, 2015.

39 *Лейкин Н. А.* В гостях у турок. С. 145–152.

40 Вспомним Некрасовское стихотворение «Послание к другу», где речь идет о склонности «наших» к пьянству. Стоит отметить, что Лейкин поддерживал знакомство с Некрасовым до самой смерти последнего. Их контакты начались, когда в 1864 г. М. Е. Салтыков-Щедрин по поручению Некрасова приехал к Лейкину с просьбой дать произведение для «Современника»; тот предложил цикл очерков «Биржевые артельщики», который и был напечатан в журнале (см.: *Н. А. Лейкин в воспоминаниях.* СПб., 1907. С. 181–182).

41 *Лейкин Н. А.* В гостях у турок. С. 169.

человечески симпатичного, но весьма приверженного к алкоголю. На вопрос Глафиры Семеновны: «Отчего это, Карапет Аветыч, в Турции водку дозволяют, если сам мусульманский закон ее запрещает?» — следует ответ: «Турки-то, барыня, самый большой пьяница и есть, но они по секрет пьют, на ночь, когда никто не видит. О, это большой доход для нашего султана!»⁴² Николай Иванович быстро находит в Карапете родственную душу, поэтому в итоге Глафира Семеновна буквально заставляет мужа сесть на пароход и покинуть гостеприимную Турцию. Характерна финальная сцена:

— Какой вид-то, Глаша! — залюбовался на берег Николай Иванович, но не получил ответа.

— Прощай, Константинополь! — продолжал он.

— Прощай, пьяный город! — в свою очередь откликнулась Глафира Семеновна⁴³.

В данном случае «чуждость» города парадоксально выражается в его «схожести» с отечественными городами. Другое дело, что в привычной российской обстановке Глафире Семеновне, возможно, легче справиться с негативными качествами Николая Ивановича, притом дома он занят коммерцией, поэтому времени на пьянство у него меньше (впрочем, как убеждают многие рассказы Лейкина, персонажами которых являются купцы, торговля вполне совместима с загулами гомерических масштабов).

Можно резюмировать, что в созданном Лейкиным цикле географических романов приключений пародийно воплощено «патриотическое» отношение к Европе как вечному антиподу России. Заграничные города, в том числе населенные славянами, в восприятии Ивановых предстают как дискомфортные, «чужие». Однако примитивные, бурлескно-комичные критерии этой «чуждости» (например, отсутствие самоваров в европейских городах) и общий культурный уровень героев свидетельствуют о двойственном отношении автора. Нельзя сказать, что Лейкин вывел своих Ивановых в явно сатирическом виде, но при этом очевидно, что их оценочная позиция не является для читателя «авторитетной».

42 Там же. С. 468.

43 Там же. С. 584.

Источники и литература

Белинский В. Г. Педант // Белинский В. Г. Собр. соч. В 9 т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 4. С. 382–389.

Белинский В. Г. Русская литература в 1844 г. // Белинский В. Г. Собр. соч. 1981. Т. 7. С. 164–217.

Вяземский П. А. Письма из Парижа // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. [В 12 т.] СПб.: Издание графа С. Д. Шереметева, 1878. Т. 1. С. 219–259.

Вяземский П. А. Старая записная книжка // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. 1883. Т. 8. 524 с.

Герцен А. И. «Москвитянин» и вселенная // Герцен А. И. Полн. собр. соч. В 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 2. С. 133–139.

Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 10. 520 с.

Жданов С. С. Амбивалентный образ Германии в юмористическом цикле Н. А. Лейкина «Наши за границей» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86). Ч. 1. С. 24–29. DOI: 10.30853/finnauki.2018-8-1.5

Захарова Е. «Турист стремился составить знакомство с “духовной физиономией” посещаемых мест». Русские туристы рубежа XIX–XX веков в восприятии современников // Родина. 2015. № 11. С. 101–104.

Козьмина Е. Ю. Фантастический авантюрно-исторический роман: поэтика жанра. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. 292 с.

Константинов А. Бай Ганю — журналист // Константинов А. Избранное. М.: Художественная литература, 1979. С. 132–143.

Лейкин Н. А. В гостях у турок. Юмористическое описание путешествия супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых через славянские земли в Константинополь. СПб.: Печатня С. П. Яковлева, 1897. 2-е изд. 584 с.

Лейкин Н. А. Где апельсины зреют. Юмористическое описание путешествия супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых по Ривьере и Италии. СПб.: Типография С. Н. Худекова, 1893. 2-е изд. 486 с.

Лейкин Н. А. Дневник 23 февраля 1895 г. — 23 февраля 1897 г. // РГАЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 2. 271 л.

Лейкин Н. А. Лесной // Лейкин Н. А. Неунывающие россияне. Рассказы и картинки с натуры. СПб.: Типография д-ра М. А. Хана, 1879. С. 100–106.

Лейкин Н. А. Наши за границей. Юмористическое описание путешествия супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых в Париж и обратно. СПб.: Тип. «Петербургской газеты», 1890. 472 с.

Лейкин Н. А. Под южными небесами. Юмористическое описание путешествия супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых в Биарриц и Мадрид. СПб.: Печатня С. П. Яковлева, 1899. 2-е изд. 555 с.

Лейкин Н. А. Самовар // Лейкин Н. А. Караси и шуки: юмористические рассказы. СПб.: Типография д-ра М. А. Хана, 1883. С. 24–28.

Наши, списанные с натуры русскими. СПб.: Изд. Я. А. Исакова, 1841–1842. Вып. 1–14.

Некрасов Н. А. Послание к другу (из-за границы) // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. В 15 т. Худож. произв. В 10 т. Л.: Наука, 1981. Т. 1. С. 21–24.

Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке. С двумя портретами и приложением к нему писем Ан. П. Чехова. СПб.: Р. Голике и А. Вильборг, 1907. 387 с.

Чавдарова Д. Путешествие болгарского и русского купцов в Европу в ракурсе национальной идентичности (Алеко Константинов и Николай Лейкин) // Русский травелог XVIII–XX веков. Новосибирск: НГПУ, 2015. С. 355–377.

Языков Н. М. К ненашим // Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Academia, 1934. С. 624–625.

References

Chavdarova, D. “Puteshestvie bolgarskogo i russkogo kuptsov v Evropu v rakurse nacional'noi identichnosti (Aleko Konstantinov i Nikolai Leikin).” *Russkii travelog XVIII–XX vekov*. Novosibirsk: NGPU, 2015, pp. 355–377.

Koz'mina, E. Yu. *Fantasticheskiĭ avantyurno-istoricheskii roman: poetika zhanra*. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyĭ uchenyi, 2017, 292 p.

Konstantinov, A. “Baĭ Ganiu — zhurnalist.” Konstantinov A. *Izbrannoe*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1979, pp. 132–143.

Zaharova, E. “«Turist stremilsia sostavit' znakomstvo s “duhovnoi fizionomieĭ” poseshchaemykh mest». *Russkie turisty rubezha XIX–XX vekov v vospriiatii sovremennikov*.” *Rodina*, 2015, no 11, pp. 101–104.

Zhdanov, S. S. “Ambivalentnyĭ obraz Germanii v iumoristicheskom tsikle N. A. Leikina «Nashi za granitseĭ».” *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2018, no 8 (86), part 1, pp. 24–29. DOI: 10.30853/filnauki.2018-8-1.5

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.02

E. A. Yablokov

Cities with no samovars.**The N. A. Leikin's novel "Visiting the Turks" as an "anti-travelogue"**

Evgeny A. Yablokov

Doctor of Filology, leading research fellow

Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: ejablokov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7926-1689

Citation

Yablokov E. A. Cities with no samovars. The N. A. Leikin's novel "Visiting the Turks" as an "anti-travelogue" // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 232– 247 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.02

Received: 10.01.2022.

Abstract

Nicolai Leykin's tetralogy is devoted to the Russian merchant Ivanov's family. One of the parts of this fiction cycle was a book "Visiting the Turks" (1897), telling the story of the journey of the main characters to Constantinople through Belgrade and Sofia. The image of the city in this text reflects the general poetics of the humorous and satiric cycle in the genre of geographic novel of adventures. The focus is not on the "objective" image of the cities visited by the Ivanovs, but on the features of their perception and the "Russian" lifestyle. The Ivanovs' outlook is characterized by aggressive national identity. They approach everything "foreign" with special "Russian" criteria. The book "Visiting the Turks" (as well as the other parts of the cycle) narrates about various "fiascoes". Due to their low intellectual and educational level, ignorance and stable "national" stereotypes, the characters are unable to adapt to other cultures. The visited foreign cities, including those inhabited by Slavs, are perceived by the Ivanovs as uncomfortable, "alien." That is why Ivanovs long for home. The ideal "final destination" of a foreign tour, paradoxically, turns out to be Russia. Acquaintance with other countries does not actually enrich travelers culturally. The travelogue, as a matter of fact, turns into a figment.

Keywords

Geographical adventure fiction, novel, Russia and Europe, ethnocultural peculiarities, Self / Other.